

НАЗЫВАЯ ПАРТНЁРА УГРОЗОЙ РОССИЯ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГЕРМАНИИ (1990–2023)

АЛЕКСЕЙ ТОКАРЕВ
МИХАИЛ КУЧЕРОВ
КРИСТИНА ЕРМАК
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье разобрано содержание 13 доктринальных документов Германии с 1990 по 2023 год: коалиционные договоры, Белые книги бундесвера и Стратегия национальной безопасности. Авторы представляют модель анализа доктрин, отражающую ретроспективное и перспективное видение немецкими правящими кругами России, США, Франции и Китая. Базу данных для применения модели составляют упоминания в этих документах 176 стран, организаций и географических регионов. Используются три критерия: приоритетность, частотность и качество упоминаний стран. В совокупности их анализ позволил выявить иерархию кластеров, к которым государства могут быть отнесены, и провести разделительные линии между этими группами. Конкретные слова-маркеры говорят о восприятии Москвы и Пекина как партнёров и соперников одновременно, а Вашингтона и Парижа — как надёжных союзников, несмотря на некоторые разногласия. Отдельные категории свидетельствуют о включении стран в западную «ценностную семью» либо о нахождении за её пределами, а также о значительном весе держав на мировой арене, с чем ФРГ необходимо считаться. Данные представлены в виде таблиц, разделённых на кластеры. Верифицирована многогранность доктринального положения зарубежных партнёров: иногда они представлены во всех четырёх ипостасях. В условиях размытых границ между позитивными и негативными оценками межгосударственных отношений авторы предлагают оригинальную программу исследования немецких доктринальных документов, которая позволяет сформировать страновую иерархию германской внешней политики. В финальной части изложен дизайн возможных исследований с применением данной методологической схемы.

Ключевые слова:

российско-германские отношения; внешняя политика; доктрины; коалиционный договор; Белая книга; безопасность; контент-анализ

Обмен углеводородов на западные технологии с 1970-х годов, ведущая роль СССР в объединении Германии, признание немцами ответственности за агрессивную наступательную войну способствовали построению дружественных отно-

шений между двумя странами. Они не были союзническими, но сохранялись как партнёрские, в том числе благодаря уникальному «институту друзей» — друг Борис и друг Гельмут, друг Владимир и друг Герхард¹.

¹ «Друг Гельмут»: как канцлеру ФРГ удавалось найти общий язык со всеми лидерами России // ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4344072> (дата обращения: 28.04.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2024

Дата принятия к публикации: 29.03.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Наряду с Францией ФРГ после 1990 г. была основным европейским партнёром Москвы. До февраля 2022 года, несмотря на растущее взаимное недоверие, продолжался диалог по урегулированию ситуации на Украине. Немецкий бизнес активно участвовал в стратегических для российского государства отраслях, включая строительство железных дорог², производство двигателей и подвижного состава. Германия сохраняла устойчивое второе (после Китая) место во внешнеторговом обороте России. После 2022 г. внешнеэкономические связи Москвы и Берлина стремительно обрывались. С отказом от российских углеводородов и уничтожением «Северного потока» импорт России в Германию в 2023 г. (3,7 млрд евро) упал на 90 % по сравнению с 2022 годом (36,4 млрд евро)³.

Расхождения как на межстрановом, так и на межличностном уровне ярко проявились после 2013 года. И канцлер А. Меркель (2005–2021), и президент США Б. Обама (2009–2017) просили президента В. Путина надавить на В. Януковича при подписании соглашения от 21 февраля 2014 г. для деэскалации внутриукраинского конфликта. Глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер (2013–2017) выступал одним из гарантов реализации данного соглашения, в итоге подписанного президентом Януковичем после звонка из Москвы⁴. Гарантии Германии, Польши и Франции оказались ничтожными — вооружённая оппозиция пошла на штурм, президент сбежал из страны, главу государства назначили в обход конституции, в западных и центральных регионах Украины начались захваты органов власти.

После перетекания противостояния внутри Украины на восток ФРГ не вос-

пользовалась возможностью предотвратить эскалацию конфликта, хотя отдельные дипломатические шаги были сделаны. Несмотря на постоянное участие России в «нормандском формате» и готовность прекратить патронаж донецкой и луганской сепаратистских при условии имплементации обоих Минских документов, Москва не видела со стороны Берлина и Парижа встречного движения. А. Меркель и президент Франции Ф. Олланд (2012–2017) после ухода из активной политики высказались в отношении Минских соглашений схожим образом. Курс двух стран сводился к затягиванию процесса, «чтобы дать Украине время на вооружение», но не реальному разрешению противоречий⁵.

После начала СВО германский истеблишмент взял курс на солидаризацию с Киевом и западными союзниками, а в немецком экспертном сообществе сформировался прочный антироссийский консенсус, в соответствии с которым политика Москвы в XXI веке воспринимается как попытка разрушить архитектуру европейской безопасности [Соколов, Воронников 2023: 16].

33 года отношений постсоветской России и Германии вместили в себя множество форм межгосударственных отношений. От стратегического политического партнёрства и теснейшего экономического и технологического взаимодействия, дополненных эффективной «химией отношений» между лидерами, до введения санкций и разрыва товарных и логистических цепочек, поставок вооружений стороне, воюющей с Россией, кризисов доверия и просто потери уважения между политиками.

Изменение немецкого внешнеполитического курса было формально закреплено.

² Консорциум немецких компаний готов участвовать в проекте ВСМ Москва-Петербург // Известия. 2019. URL: <https://iz.ru/915020/2019-08-28/konsortcium-nemetckikh-kompanii-gotov-uchastvovat-v-proekte-vsm-moskva-peterburg> (дата обращения: 28.04.2024).

³ Импорт из России в Германию сократился в 2023 году на 90% // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19981429> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴ СМИ: Пойти на уступки оппозиции Януковича убедил Путин // RBC. RU. 2014. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2014/570418c99a794761c0ce7796> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵ Франсуа Олланд подтвердил слова Меркель о Минских соглашениях // BFM. RU. 2022. URL: <https://www.bfm.ru/news/516182> (дата обращения: 28.04.2024).

В первой в истории ФРГ Стратегии национальной безопасности, вышедшей в июне 2023 года, Россия названа «самой серьёзной угрозой миру и безопасности на евроатлантическом пространстве». Сотрудничество между двумя странами оказалось разрушенным во всех ключевых областях. При этом Россия остаётся для Европы и Германии важнейшим игроком, любые попытки маргинализации которого бессмысленны. Как подобная двойственная природа отношений отражается в стратегических документах?

Научная проблема и исследовательские вопросы

Восприятие государствами себя и контрагентов на международной арене закрепляется в доктринальных документах, где обозначаются цели и задачи внешней политики. Будучи первоисточником внешнеполитических установок государств, эти документы не только транслируют глобальные и региональные приоритеты стран, но и отражают мышление элит. С одной стороны, каждый такой текст предлагает рефлексию уже прошедших событий. С другой — обозначает образ желаемого будущего, пусть и краткосрочного, и шаги, с помощью которых руководство страны намерено к нему прийти. Доктрины не всегда соответствуют реальной политике государств, хотя семиотика⁶ говорит об обратном. М. Эдельман называет язык интегральным элементом политической сцены, формирующим значение событий и роли, которые признаются всем обществом [Edelman 1972: 71]. Место России в немецких доктринах, его характеристика и изменение в 1990–2023 годах изучены недостаточно. В приведённых ниже в обзоре литературы работах если Российская Федерация и упоминается, то не сопоставляется с восприятием Германией других контрагентов.

Доктринальные документы уместно рассматривать в рамках теории дискурса. Работы этого толка иллюстрируют взаи-

мосьвязь между текстовыми и реальными социальными практиками и её влияние на действия людей в физическом мире, равно как и на их мысли [George 1994: 191]. Не стоит при этом рассчитывать на большой прогностический потенциал доктрин. Тексты ретроспективны и во многом отражают оценки, основанные на событиях прошлого. Данное направление исследований критикуют, в частности, за попытки изучать политические явления через дискурсы. Любое стремление «закрепить» дискурс и идентичность, которую он создаёт, всегда успешно лишь отчасти. Несовершенная природа дискурсов, их взаимопересечения, отсутствие чётких границ оставляют слишком большое пространство для интерпретаций [Milliken 1999: 230]. Иными словами, доминирующий в конкретный момент дискурс может «перекрыть и заглушить» все остальные. В основном по этой причине выводы подобных работ могут оказаться лишь частично правдивыми [Doty 1996: 6]. Официальные документы, будучи чётко формализованными и изменяющимися по установленным процедурам, в наименьшей степени подвержены воздействию альтернативных дискурсов, поэтому рассматриваются нами как первоисточники внешней политики.

В настоящей статье были проанализированы 13 текстов 1990–2023 годов. Большое количество опубликованных за этот период документов показывает, что Германии приходится регулярно отвечать на вопрос о своём месте в мире. Нельзя сказать, что немецкие внешнеполитические документы дают жёсткую иерархию друзей и врагов. Без исследования текстов невозможно ответить на два вопроса:

1. Как и на основе каких критериев можно кластеризовать государства в доктринальных документах ФРГ?

2. Какое место в этих доктринальных кластерах занимает Россия?

Для сравнения с показателями России мы берём Францию как главного европей-

⁶ Раздел науки, изучающий язык и транслируемые с его помощью смыслы.

ского союзника Германии, США — как главного мирового союзника, КНР — как главного стратпартнёра в Евразии (после резкой редукции отношений с Россией). Фокус работы сосредоточен на России, но анализ упоминаемости ещё трёх государств позволяет рассмотреть отношения с нашей страной в сравнительной перспективе. Для ответа на исследовательские вопросы мы собрали базу данных, состоящую из упоминаний в германских доктринах стран мира, а затем на основе присвоенных им слов-маркеров распределили государства по группам.

Историография российско-германского взаимодействия

Место России во внешней политике ФРГ — предмет исследований многих специалистов. Литературу по российско-германским отношениям можно разделить на два блока: взаимодействие Берлина с Москвой, в том числе от лица ЕС, и положение Российской Федерации в доктринальных документах Германии.

После 1990 года, отмечают учёные-международники, отношение к России формировалось с опорой на прагматизм [Деятков 2016; Westphal 2008]. Акцентируется влияние энергетики, которая создавала почву для развития двусторонних связей. Расширение сети российско-германских контактов при выстраивании связей России и Европы также анализируют в своих исследованиях Н. Павлов, Н. Меден, М. Сидди, М. Дембинска и А. Умланд [Павлов 2012; Меден 2017; Siddi 2018; Dembinska 2020; Umland 2022].

Специалисты-международники указывают на преемственность во внешней политике Германии до 2011 года [Mello 2021; Hamzaoglu 2022]. С. Сабо рассматривает роль России в выстраивании германо-американских отношений [Szabo 2018].

Через ретроспективный анализ автор сравнивает политику элит в период «холодной войны» и состояние отношений в пост-биполярный период в стратегическом треугольнике Германия—США—Россия. Отмечается нарастающая зависимость Берлина в выработке внешнеполитического курса по отношению к Москве от позиции ЕС⁷.

Влияние украинского кризиса на трансформацию российско-германских связей стало популярным направлением с конца 2010-х годов. Несмотря на нарастание политических противоречий, учёные обращают внимание на результативный диалог в области бизнеса, культуры и науки [Крылова 2020; Грачёва 2021]. Э. Флэминк обращает внимание на выстраивание культурных связей Германии с восточным соседом в формате городов-побратимов [Maeminsk 2021]. К. Потапенко и Л. Пузыни-на исследуют сотрудничество двух стран в период пандемии COVID-19 [Потапенко, Пузынина 2021].

Место России в доктринальных документах ФРГ затрагивается в работах П. Сугоняева и Н. Власова [Сугоняев 2020; Власов 2018]. Они анализируют, какие успехи были достигнуты Москвой и Берлином с учётом проблем на уровне двусторонних отношений. Н. Ивкина на основании контент-анализа докладов Мюнхенских конференций, публиковавшихся с 2015 по 2022 год, определила индекс агрессивности по отношению к Москве⁸. Разбор документов присутствует в исследовании Д. Липинского и А. Мусаткиной. Они рассматривают социальный и гуманистический аспекты в текстах, посвящённых национальной безопасности России и Германии [Липинский, Мусаткина 2019]. На маргинализацию Москвы в Стратегии национальной безопасности ФРГ 2023 г. указал в своей работе В. Белозёров [Белозёров 2023].

⁷ Pedersen T. From «Wandel durch Handel» to «Zeitenwende»: a study of gaps and continuity in German defense and security policy // NTNU Open. 2022. P. 16–20.

⁸ Ивкина Н. О чём молчат Мюнхенские конференции XXI в. // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-chem-molchat-myunkhenskie-konferentsii-xxi-veka/> (дата обращения: 06.10.2023).

Начало российской специальной военной операции на Украине в 2022 году, по мнению Дж. Лафа, определило резкую смену взглядов немецких элит [Lough 2022]. А. Бендик, Б. Блюменау и Т. Педерсен исследуют вызовы, перед которыми стоит ФРГ на современном этапе, и возможное будущее политики страны в области безопасности после речи О. Шольца о «Zeitenwende» («Смене эпох») [Bendiek 2022; Blumenau 2022]⁹.

Практический и концептуальный базис германской внешней политики рассматривают Ф. Трунов, С. Погорельская, А. Синдеев. Спектр вопросов для анализа включает особенности иммиграционной политики ФРГ [Погорельская 2010]. Учёные затрагивают и реформы вооружённых сил. Синдеев выявляет особенности принятия решений по вопросам обороны и безопасности [Синдеев 2023]. Использование вооружённых сил Германии за рубежом анализирует Ф. Трунов [Трунов 2023]. Доктринальные документы ФРГ используются как вспомогательный источник. На основе качественного анализа В. Белов, М. Грачёва и А. Иванова проводят сравнение Белых книг 2006 и 2016 годов [Белов и др. 2017]. В трудах А. Синдеева, Ф. Трунова и С. Погорельской основу источников составляют двусторонние и многосторонние соглашения, рамочные договоры, внутренние документы государственных органов и акты международных организаций.

Среди лакун, сохраняющихся в научном дискурсе о восприятии германскими элитами России, заметна низкая доля работ о доктринах. В большинстве исследований акцент сделан на политических действиях и решениях, а не их первоисточниках. Авторы заполняют этот пробел, комбинируя количественные и качественные методы, чтобы проследить изменение внешнеполитического курса ФРГ по отношению к России в зависимости от мировых и региональных тенденций.

Методология исследования

Для отслеживания положения Российской Федерации в стратегических концепциях Германии были отобраны основополагающие тексты 1990–2023 годов, связанные с дипломатией, политикой обороны и безопасности. Авторы проанализировали представленность в них России по трём критериям: частота, приоритетность и качество упоминаний. В базу данных попали 13 документов: девять коалиционных договоров, три версии Белых книг бундесвера и Стратегия национальной безопасности ФРГ 2023 г. (табл. 1). Это наиболее значимые внешнеполитические доктрины объединённой Германии. Другие тексты – Руководящие принципы оборонной политики (РПОП), Концепции бундесвера, план действий «Гуманитарное предотвращение кризисов, разрешение конфликтов и мирная консолидация» – более узкие по содержанию.

РПОП разрабатывает штаб планирования федерального министра обороны. В отличие от Белых книг, эти документы формально не согласовываются с другими министерствами и не утверждаются федеральным правительством. В РПОП фиксируются ценности, цели и интересы бундесвера, в них также упоминаются возможности и ограничения вооружённых сил ФРГ. Концепции бундесвера сконцентрированы на принципах развёртывания войск, борьбе с угрозами на земле, море, в воздухе и киберпространстве. План действий «Гуманитарное предотвращение кризисов, разрешение конфликтов и мирная консолидация» сосредоточен в основном на невоенных инструментах поддержания мира в странах с нестабильной обстановкой. Три упомянутые выше группы доктрин характеризуют скорее насущные задачи государственных ведомств, нежели стратегическое внешнеполитическое планирование, либо отражают отдельные аспекты германского присутствия в мире, поэтому объектами анализа в этой работе не стали.

⁹ Pedersen T. From «Wandel durch Handel» to «Zeitenwende»: a study of gaps and continuity in German defense and security policy // NTNU Open. 2022. P. 36.

Таблица 1
Выборка документов

Документ	Год издания
коалиционный договор	1990
Белая книга	1994
коалиционный договор	1994
коалиционный договор	1998
коалиционный договор	2002
коалиционный договор	2005
Белая книга	2006
коалиционный договор	2009
коалиционный договор	2013
Белая книга	2016
коалиционный договор	2018
коалиционный договор	2021
Стратегия национальной безопасности	2023

Источник: составлено авторами.

Авторы также не использовали основополагающие для Берлина международные соглашения — например, Договоры об окончательном урегулировании в отношении Германии и о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ 1990 года. При всей их значимости для восприятия Германии в мире и её позиционирования за рубежом они не позволяют провести ни кросс-национальное, ни кросс-темпоральное сравнение.

Каждый документ был проанализирован по двум количественным и одному качественному критериям:

1. Приоритетность упоминаний. Авторы допускают, что наиболее значимые для Германии страны встречаются на первых страницах документов, а наименее важные — в конце. Вместе с тем заметна неэффективность такого узкого подхода. В 2006 г. Ливан упоминался раньше США, России, Китая, Франции и всех других европейских союзников ФРГ. Это связано с тем, что Германия тогда в рамках миссии ООН направила к берегам страны военные корабли для борьбы с контрабандой оружия.

2. Частота упоминаний. Чем большую важность представляет объект, тем большее число раз он будет упоминаться. Вместе с тем и этот параметр имеет ограничения: в документах 2002–2023 годов Африка встречалась чаще Франции, а в 2018 г. континент занял третье место после ЕС и ООН, оставив все остальные страны, регионы и объединения позади. Отчасти это может быть связано с растущей ролью Африки в мировых делах. Многие объекты упоминались одинаковое число раз — в таких случаях они расставлялись по приоритетности.

3. Характер упоминаний. Поскольку в германских доктринах отсутствует чёткая иерархия, по которой определялся бы формат взаимодействия с другими странами, авторы на основе нечастотного контент-анализа выработали исследовательскую модель. Были выбраны основные слова-маркеры, которые чаще всего используются в документах при обозначении 176 контрагентов Германии: например, «друг», «партнёр» или «угроза». Собрав данные о том, как в документах описываются 118 государств, 34 географических региона и 24 наднациональные организации, полученные формулировки авторы распределили по семи категориям. В настоящем исследовании представлена работа по малой части базы данных — четырём государствам.

В дальнейшем выделялись ключевые слова, чаще всего применяемые к разным объектам. Учитывалось не только ядро, но и слова-усилители — например, «первостепенный», «самый важный», «ведущий» (табл. 2). Ввиду неточности последнего критерия границы кластеров получились размытыми. В частности, для категории «партнёр» характерны маркеры «сотрудничество» и «взаимодействие», но если упоминания объектов усиливались словами «долгосрочная стратегия», «стратегически значимый» и «привилегированный партнёр», то они попадали в разряд «стратегических партнёров». В то же время дополнения «общие ценности», «демократия», «права человека», «верховенство права» и «порядок, основанный на правилах» пере-

Таблица 2
Кластеры стран и маркеры

Актеры-цели	Маркеры	Описание	Примеры
Константы внешней политики	Столп, основа внешней политики, незаменимый/ближайший/самый важный партнёр/друг, главный партнёр, первостепенное значение, якорь, гарант, национальный интерес, центральный/важный инструмент, краеугольный камень, ведущая роль, незаменимая/единственная/ключевая/исключительная организация, отвечать на глобальные вызовы, гарант, движущая сила, уникальный, мотор, традиционный/многолетний партнёр, давно установленные отношения	Наднациональные блоки, страны и регионы, упоминаемые как основы внешней политики во всех отобранных доктринальных документах, кроме коалиционного договора 1990 г.	Евросоюз, НАТО, Франция, трансатлантическое партнёрство (ЕС + США + Британия + Канада)
Основы внешней политики	Те же, что у констант	Организации, государства и регионы, которые Германия считает центральными для поддержания миропорядка и европейской региональной системы международных отношений. Чаще всего описываются в документах как незаменимые институты или самые важные партнёры ФРГ во внешней политике. Отличаются от констант частотой упоминаний: встречаются в таком статусе не во всех документах	Евросоюз, НАТО, Франция, США, трансатлантическое партнёрство (ЕС + США + Британия + Канада), Польша, ООН, ОБСЕ
Стратегические партнёры	Стратегический/привилегированный партнёр, долгосрочная стратегия партнёрства, большой/важный/значимый партнёр, стратегическое значение	Страны, не входящие в ЕС и НАТО, которые Германия воспринимает в качестве стратегических партнёров	Россия, Китай, Индия
Партнёры	Партнёр, сотрудничество, стремление укреплять сотрудничество	Регионы, интеграционные объединения и страны, с которыми Германия сотрудничает в рамках двусторонних отношений или от лица ЕС	Африка, АСЕАН, Латинская Америка
Важные игроки	Важный/значимый, решающая роль, большой политический вес, огромное значение, передовой	Страны, которые в документах отмечаются как игроки, имеющие важное значение в международных отношениях	Россия, Турция

Продолжение таблицы 2

Актеры-цели	Маркеры	Описание	Примеры
Ценностные партнёры	Общие ценности, ценностное партнёрство, права человека, демократия, правовое государство, защита меньшинств, порядок, основанный на правилах	Государства, организации и регионы, в которых, по мнению германских политиков, доминируют идеологические установки западных демократий	США, ОБСЕ, Япония, Южная Корея
Соперники	Соперник, противник, системный соперник, угроза, вызов	Страна соперничает с ФРГ и ЕС по отдельным направлениям. Есть прямые расхождения в интересах. В документах декларируется необходимость ей противодействовать	Россия, Китай, Иран
Актеры-средства			
Инструменты решения глобальных и региональных проблем	Важная площадка, важный инструмент, устойчивое развитие, переговоры, стандарты, правила, необходимость совершенствовать	Перечисленные в доктринах международные организации и упомянутые конкретные цели Германии как члена этих структур	ВТО, МВФ, «группа семи (восьми)», «группа двадцати», Всемирный банк
Евроинтеграция	Переговоры о вступлении, найти место в Европе, копенгагенские критерии	Страны, упоминаемые в доктринах в качестве действующих или потенциальных кандидатов на вступление в ЕС	Черногория, Северная Македония, Украина
Безопасность	Военные учения, базы, совместные корпуса, расположение войск, борьба с терроризмом	Упоминается сотрудничество в военной сфере и области безопасности	США, Польша, Испания, Британия
Приграничное сотрудничество	Страны-соседи	Описываются вопросы приграничного взаимодействия с близлежащими странами	Дания, Нидерланды, Чехия
Экономическое сотрудничество	Торговля, инвестиции, бизнес, товарооборот	Германия видит страну/регион торговым партнёром или объектом инвестиций. Представители страны/региона также могут вкладывать средства в немецкую экономику	Китай, Латинская Америка
Историческая память	Исторические обязательства, особая ответственность, захоронения	Курс по отношению к стране тесно вплетён в политику памяти современной ФРГ	Израиль, Россия
Устойчивое развитие	Устойчивость, стабилизация, экономическое развитие, проблемы развития, преступность, гуманитарная помощь	В стране/регионе есть проблемы, которые ведут к внутренней нестабильности и кризисам: преступность, коррупция, слабые государственные институты. К этому же кластеру относятся вопросы сотрудничества в сферах защиты климата, зелёной энергетики	Африка, Азия, Латинская Америка

Окончание таблицы 2

Акторы-средства	Маркеры	Описание	Примеры
Миграция	Мигранты, миграционный кризис, беженцы	Жители страны/региона уезжают в Европу в поисках лучшей жизни. Либо эти государства транзитные: в них беженцы временно останавливаются на пути в европейские страны	Алжир, Марокко, Тунис
Критика внутренней и внешней политики	Несоблюдение прав человека, отсутствие верховенства права, диктатура, необходимы реформы, нужна рыночная экономика, нарушение территориальной целостности	В документах есть ценностная критика страны со стороны Берлина – обвинение в несоблюдении прав человека, отсутствии верховенства права	Белоруссия, Иран
Вооружённый конфликт или внутренняя нестабильность	Война, вооружённый конфликт, гуманитарная катастрофа, беженцы, потрясения, переворот	Описывается политика Германии в связи с конфликтом и вызванной им гуманитарной катастрофой в данной стране	Сирия, Ливия, Ливан, Афганистан
Вопросы, не касающиеся широкого внешнеполитического контекста	Сокращение бюрократии, борьба с наркоторговлей, система предупреждения цунами, площадка для проведения конференции	Государства упоминаются как примеры успешных внутренних практик либо как площадки для решения глобальных и региональных проблем	Нидерланды Швейцария, Индонезия

Источник: составлено авторами.

водили объект в группу «ценностных партнёров». Хотя периферийная часть каждого из кластеров может быть пересмотрена, их «сердцевина» остаётся неизменной. С аналогичной проблемой сталкивались исследователи М. Гросс и С. Краусс [Gross, Krauss 2019]: они стремились поместить каждый объект в одну категорию, то есть обеспечить целостность ядра. Благодаря этому границы между категориями получились максимально отчётливыми.

В то же время стратегические документы не являются отображением строгих, например физических, систем, в которых следствие, как правило, жёстко привязано к условию. Страны, упоминаемые несколько документов подряд в качестве ключевых союзников, могут не получить подобный статус в актуальной версии доктрины. Означает ли это резкое ухудшение отношений? Или же при анализе стратегических документов необходимо помнить о недо-

статочной строгости дискурсивного изменения международных отношений?

Второй вариант представляется более обоснованным, поэтому качественный критерий выступает основным. В табл. 2 представлены выделенные маркеры, при помощи которых авторы соотносили акторов и кластеры. Отдельно были прописаны условно инструментальные субъекты. Они не являются целью сами по себе, как большие державы, но выступают как механизмы для решения значимых проблем (табл. 4). Данный раздел был назван «акторы-средства». Наличие актора среди кластеров ключевых стран не закрывало ему попадание в последний раздел.

Слова-маркеры авторы отбирали вручную. Во время анализа каждого из 13 документов сначала были выделены объекты (страны, регионы и международные организации), а затем выписаны лексические конструкции, с помощью которых авторы

Таблица 3
Иерархия кластеров

Позитивные	Константа
	Основа ВП
	Страт. партнёр
	Партнёр
	Ценностный партнёр
Нейтральные	Сосед
	Важный игрок
Негативные	Угроза

Источник: составлено авторами.

документов давали им характеристику. Слова и словосочетания были сгруппированы в кластеры на базе их смысловой схожести.

Условно все категории авторы разделили на позитивные, нейтральные и негативные (табл. 3).

Результаты исследования по трём критериям авторы сгруппировали и вывели для каждой из стран отдельно (табл. 4–7). Количественные параметры представлены в виде цифр, качественные – в форме ячеек со статусами.

Германскому видению России свойственны две укоренившиеся установки, которые не меняются с течением времени.

Во-первых, правящие круги воспринимают Москву как важного игрока в сфере безопасности. Несмотря на качественное изменение отношений, вызванное кризисами или сменой элит, тематика разоружения и урегулирования конфликтов постоянно фигурирует в российско-германском взаимодействии. В то же время маркер «важный игрок» отсутствовал лишь в 1990, 1998 и 2002 годах. Контроль над ядерным оружием, урегулирование спора вокруг

иранской ядерной программы и украинского кризиса, борьба с терроризмом, уверены представители германского истеблишмента, невозможно обсуждать без России. С 2014 г. наблюдается прямой или косвенный посыл о необходимости договариваться с Российской Федерацией при любой конфигурации в области безопасности. В коалиционном договоре 2021 г. отмечалось, что ФРГ всячески поддерживает российско-американские переговоры о разоружении¹⁰, а из СНБ 2023 г. следует, что «ни Германия, ни НАТО не ищут конфронтации с Россией»¹¹.

Во-вторых, в каждом стратегическом документе ФРГ после 1990 г. подчёркивается ценностная дистанция. Германские политики подвергают критике восточного соседа за «нарушения прав человека», «несоблюдение верховенства права», «низкие темпы реформ», а после 2014 г. – за «нарушение территориальной целостности Украины». Заметно, что немецкий истеблишмент никогда не видел Россию частью единой евроатлантической семьи. Маркер «ценностный партнёр», которым германские чиновники обозначают многие западные, но идеологически близкие к ним государства, ни разу не применялся к Москве.

В отношении к России имели место и ситуативные изменения. Наивысший статус у Российской Федерации был в 1994 г. – в Белой книге того года отмечалась её центральная роль в обеспечении европейской безопасности на фоне личного содействия М. Горбачёва объединению Германии и вывода ГСВГ. Страна упоминалась 82 раза, при том что во всех отобранных документах совокупно России отведено 224 упоминания.

Помимо резкого роста в середине 1990-х годов, вплоть до 2013 г. число упоминаний

¹⁰ Koalitionsvertrag 2021. Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. 2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf. S. 115. (Abrufdatum: 27.04.2024).

¹¹ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. 2023. S. 45. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (Abrufdatum: 27.04.2024).

Таблица 4
Матрица России

Россия как актор-средство	Безопасность, экономическое сотрудничество	Безопасность, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, устойчивое развитие, критика внутренней и внешней политики	Важный игрок	Важный игрок	КС 1990	КС 1994	КС 1998	КС 2002	Безопасность, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, критика внутренней и внешней политики, военные конфликт или внутренняя нестабильность, историческая память	Важный игрок	Важный игрок	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Важный игрок	Сратегпартнёр	Партнёр	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023	Россия
Приоритетность	5	Партнёр	Основа ВП	Партнёр	Партнёр	КС 1994	КС 1998	КС 2002	Партнёр	Безопасность, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, критика внутренней и внешней политики, военные конфликт или внутренняя нестабильность, историческая память	Важный игрок	Важный игрок	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Важный игрок	Сратегпартнёр	Партнёр	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023	Россия
Частота	5	Партнёр	Основа ВП	Партнёр	Партнёр	КС 1994	КС 1998	КС 2002	Партнёр	Безопасность, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, критика внутренней и внешней политики, военные конфликт или внутренняя нестабильность, историческая память	Важный игрок	Важный игрок	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Важный игрок	Сратегпартнёр	Партнёр	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023	Россия
Качество	5	Партнёр	Основа ВП	Партнёр	Партнёр	КС 1994	КС 1998	КС 2002	Партнёр	Безопасность, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, критика внутренней и внешней политики, военные конфликт или внутренняя нестабильность, историческая память	Важный игрок	Важный игрок	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики, историческая память	Важный игрок	Сратегпартнёр	Партнёр	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023	Россия

Источник: составлено авторами.

Таблица 5
Матрица США

США	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023
Приоритетность	7	6	7	9	14	6	15	8	10	9	3	13	12
Частота	1	57	2	5	8	11	26	10	11	14	14	7	3
Качество	Партнёр	Основа ВП	Основа ВП	Основа ВП	Основа ВП	Основа ВП	Основа ВП	Основа ВП	Партнёр	Основа ВП	Сосед	Основа ВП	Основа ВП
		Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Важный игрок	Важный игрок	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Ценностный партнёр	Важный игрок
США как актор- средство									Безопасность, экономическое сотрудничество				

Источник: составлено авторами.

Таблица 6
Матрица Франции

Франция	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023
Приоритетность	—	9	5	12	6	19	52	15	26	30	6	29	11
Частота	—	28	1	3	3	2	7	1	6	8	23	3	5
Качество		Константа	Константа	Сосед	Константа	Сосед	Константа	Сосед	Константа	Константа	Константа	Константа	Сосед
		Важный игрок	Константа	Важный игрок	Константа	Важный игрок	Константа	Важный игрок	Важный игрок	Ценностный партнёр			Константа
Франция как актор-средство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: составлено авторами.

восточного соседа, кроме небольшого падения в 2009 г., планомерно увеличивалось (рис. 1). Вместе с тем в 2005 и 2009 годах речь шла о стратегическом партнёрстве с Москвой. Конфликт России с Грузией в 2008 г. качественно не повлиял на положение страны в проанализированных доктринах, хотя и оставил количественный след: Россия по-прежнему называлась стратегическим партнёром и важным игроком, при этом упоминалась в два раза реже (см. табл. 4). Число упоминаний с 2016 по 2021 г. снижалось, ухудшились и качественные характеристики образа России — в этот период по мере обострения ситуации на Украине политика Москвы всё сильнее воспринималась как вызов «порядку, основанному на правилах». В германских стра-

тегиях появились формулировки о «нарушении международного права и территориальной целостности». Водоразделом можно назвать 2014 г.: доктринальные документы начали открыто транслировать тезис о неприемлемости российского политического курса России и отклонении его от нормы (в понимании ФРГ).

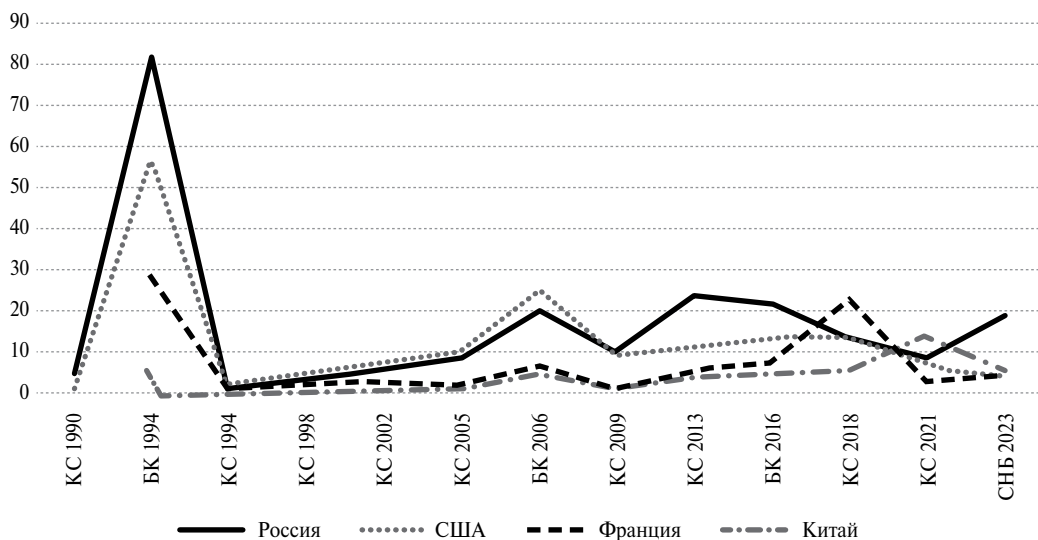
В 2013–2021 годах заметна амбивалентность — образу Российской Федерации придавались как позитивные, так и негативные черты. Стремление сдерживать Россию дополнялось признанием, что Москву и Берлин, как и ранее, связывает спектр общих интересов. Авторы документов видели себя в роли тех, кто имеет право ставить ультиматумы. Они писали о готовности к конструктивному диалогу с рос-

Таблица 7
Матрица Китая

Китай	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	СНБ 2023	
											КС 2021	КС 2023
Приоритетность	-	52	-	-	-	39	102	26	44	10	4	13
Частота	-	3	-	-	-	2	5	2	4	5	4	6
Качество		Важный игрок	Важный игрок			Страт. партнёр	Страт. партнёр	Партнёр	Страт. партнёр	Партнёр	Партнёр	Партнёр
Китай как актор-средство		Безопасность	Безопасность		Безопасность	Экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, экономическое сотрудничество	Безопасность	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность	Экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики	Безопасность, экономическое сотрудничество, критика внутренней и внешней политики

Источник: составлено авторами.

Рисунок 1
Количество упоминаний сравниваемых стран

Источник: составлено авторами.

сийскими коллегами, если последние выполнят необходимые им условия: перестанут «подрывать систему европейской безопасности», будут «уважать права человека и соблюдать нормы международного права». В первую очередь речь шла о событиях на Украине, виновницей которых в Берлине считали Москву. Для этого периода характерны упоминания страны как важного соседа ЕС — ранее эта нейтральная категория не использовалась применительно к Москве. В СНБ 2023 года, несмотря на максимальное дистанцирование от Российской Федерации, говорится, что прозрачные каналы коммуникации по вопросам контроля над вооружениями должны оставаться открытыми.

Москва всегда присутствовала не только в группе «акторы-цели», но и, за исключением 1994 года, пополняла ряды «акторов-средств». Значимая роль страны в обеспечении безопасности и параллельная критика её политического курса формировали образ России в доктринальных документах на протяжении трёх десятилетий. Экономическое взаимодействие акценти-

руется лишь в пяти документах, а об участии Москвы в военных конфликтах говорится два раза — в 2005 г. (Чечня) и в 2023 г. (Украина).

Историческая память, будучи одним из центральных компонентов взаимодействия между противостоявшими друг другу в двух мировых войнах народами, в стратегических документах отражена эпизодически. Соответствующие маркеры встречаются лишь в четырёх текстах, принятых в 2005–2013 годах. Содержательно в них затрагивают не ущерб, нанесённый СССР гитлеровской Германией, а интеграцию и поддержку этнических немцев на территории постсоветских стран. В двух текстах поднимается вопрос о возврате культурных ценностей, вывезенных из Германии в Советский Союз властями ГДР.

Примечательно, что первой Россия упоминалась лишь в 1994 и 2023 годах, но коннотация в этих документах зеркально противоположная: от «основы внешней политики» к «угрозе», при этом оба раза «важный игрок» (см. табл. 4). Это наблюдение вновь подтверждает нецелесообразность

Таблица 8
Доктринальная матрица

Константы													
ОВП													
Стратегические партнёры													
Партнёры													
Ценностные партнёры													
Соседи													
Важные игроки													
Угрозы													
	КС 1990	БК 1994	КС 1994	КС 1998	КС 2002	КС 2005	БК 2006	КС 2009	КС 2013	БК 2016	КС 2018	КС 2021	СНБ 2023

Источник: составлено авторами.

использования лишь одного критерия анализа, что не приводит к пониманию общей картины.

Матрицы доктрин: сравнительный анализ

Авторы сравнивают положение России в германских доктринальных документах с другими важными игроками — Соединёнными Штатами, Францией и Китаем. Москва, Вашингтон и Пекин несут ответственность за глобальную безопасность, в том числе ядерную. США и КНР также являются крупнейшими экономиками планеты и стабильно занимают первые места по объёму ВВП. Франция — главный европейский партнёр ФРГ: Берлин и Париж образуют тандем, который, несмотря на разногласия по многим политическим вопросам и в рамках НАТО и ЕС, остаётся движущей силой европейской интеграции.

В табл. 8 данные по качественному критерию для четырёх государств были сведены воедино. Очевидно разделение США, Франции, России и Китая на две группы. Первые два государства удостоились попадания в высшие категории — константы и основы внешней политики. Они же, в отличие от РФ и КНР, близки ФРГ идеологически и являются для неё ценностными партнёрами. Россия и Китай в 2016 и 2018 годах соответственно сочетали в себе позитивные и негативные маркеры. Москва с 2023 г. и вовсе стала лишь угрозой без

какой-либо положительной характеристики. Все четыре страны при этом остаются важными для Берлина игроками, что во многом подтверждает верность их выбора в качестве объектов анализа.

США и Францию Германия видит надёжными опорами во внешней политике. Статус константы стабильно сохраняется за Пятой республикой. Несмотря на ситуативные разногласия по вопросам европейской политики, Берлин признаёт своего соседа влиятельным игроком на мировой арене и драйвером евроинтеграции. Вместе с тем ценностный компонент двусторонних отношений отмечается только в Белой книге 2016 г. В документе подчёркивается совместное участие в региональной группе «Веймарский треугольник», группе «евротройка + 3» по СВВД и «нормандском формате» по урегулированию украинского кризиса.

Вашингтон удерживает позиции ключевого неевропейского партнёра ФРГ. Исключением стали 1990 и 2013 годы, когда заокеанский союзник опустился до позиции «партнёр». Первый рубеж связан с объединением Германии — выстраивание тесных связей только предстояло переосмыслить. В 2013 г. появилась информация о прослушивании американскими спецслужбами мобильного телефона канцлера А. Меркель. В заявлении главы германского правительства от 23 октября 2013 г.

отмечалось: «Это было серьёзным нарушением доверия»¹². В рассматриваемых документах после этого инцидента США второй раз не попали в кластеры констант и основ внешней политики. Общие ценности и влияние США в мире способствуют укреплению германо-американских отношений. Их фундамент — сотрудничество в военной сфере и области безопасности с опорой на экономику.

Роль Китая во внешней политике Германии оформлялась параллельно усилению позиций Пекина в мировом масштабе. КНР, будучи в тени германских внешнеполитических приоритетов в 1990–2002 годах¹³, стартовала с позиции стратегического партнёра. Между тем в Белой книге 1994 г. Берлин признаёт за Пекином потенциал влиятельной державы, что делает его «важным игроком». Эта характеристика продолжает сохраняться за КНР, невзирая на её последующую маркировку как «угрозу» и «стратегического соперника». Аналогичный подход используется в отношении России.

Подвергая критике внешнюю политику обеих стран, Германия стабильно отдаёт приоритет военному и экономическому сотрудничеству. Статус «важного игрока» закрепился за двумя державами параллельно в период нахождения на посту канцлера Г. Коля в 1994 г. Тем не менее во время пребывания Г. Шрёдера (1998–2005) на посту канцлера КНР не упоминалась в доктринальных документах. Возможно, тогда Берлин не придавал большого значения Пекину, глобальные амбиции которого были не столь заметны, как в легислатуру Си Цзиньпина. Стратегическую направленность отношения ФРГ с Китаем и

Россией начали приобретать с момента прихода А. Меркель на пост канцлера в 2005 году. Статус «стратегический партнёр» стал первой качественной характеристикой германо-китайских отношений.

Западный вектор германской внешней политики сохранял устойчивые ключевые позиции. Как итог, Москва (с 2016 г.) и Пекин (с 2018 г.) получили также статус «угрозы». В первом случае это связано с «Крымской весной» и началом украинского кризиса: «Россия открыто ставит под сомнение европейский порядок. Это имеет глубокие последствия для безопасности Европы и Германии», — говорится в Белой книге 2016 года¹⁴. Во втором — с экономической экспансией Пекина и его все более активным участием в глобальных делах: «Инициатива “Пояса и пути” служит примером как возможностей, так и рисков», — следует из коалиционного договора 2018 года¹⁵. Тенденция сохранилась после вступления О. Шольца на должность канцлера в 2021 году, хотя Китай остаётся для Берлина «партнёром» и сегодня, а Россия имела такой статус до 2023 года, не получив после начала СВО ни одного позитивного упоминания. Тем самым проявляется противоречие, связанное с вариативностью немецкой политики в отношении незападных держав. Понимание выгод от предметного сотрудничества в отдельных областях сопровождает амбивалентный подход Германии к КНР и России. Во внешнеполитической традиции ФРГ, что ясно отражено в доктринах, также принято делить зарубежных контрагентов на западных и незападных.

Сравнение восприятия немецкими элитами России и других государств позволяет

¹² Schwarz P. The NSA affair strains German-American relations // WWSWS. 2013. URL: <https://www.wsws.org/de/articles/2013/11/01/nsa-n01.html> (accessed: 07.10.2024).

¹³ За исключением 1994 г.

¹⁴ Weissbuch 2016. Bundesministerium der Verteidigung. 2016. S. 21. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (Abrufdatum: 02.04.2024).

¹⁵ Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land/ Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. SPD. 2018. S. 153. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2018-2021.docx (Abrufdatum: 02.04.2024).

установить координаты Москвы на карте германской внешней политики. Становится очевидным, что по большинству маркеров её положение схоже с позицией Китая, а США и Франция для ФРГ куда более близкие, понятные и предсказуемые партнёры, чем РФ. При этом в Берлине признают большой политический вес на мировой арене всех четырёх государств.

* * *

В заключение мы не только опишем результаты по каждому параметру и сравним положение четырёх стран между собой, но и попытаемся оценить, насколько релевантна для решения исследовательских вопросов и перспективна наша схема анализа.

Критерий приоритетности демонстрирует ряд резких перепадов. На первом месте Россия находилась в 1994 году, что укладывается в её позитивное в тот момент восприятие как страны, «давшей свободу европейским народам». В 2023 г. Москву назвали первоочередной угрозой для Европы. Необъяснимым образом в 2021 г. Российская Федерация оказалась на 43-м месте, хотя в 2018 г. занимала пятое. Парadoxально, но в том же году США были на 29-й позиции, Франция — на 13-й, а Китай, обогнав всех остальных игроков, занял четвертое место. Соединённые Штаты наивысшее за 34 года положение получили в 2018 г., оказавшись на третьем месте. Это кажется нелогичным, так как президент Дональд Трамп (2017–2021) в то время стремился убедить своих европейских союзников самим укреплять собственную безопасность вместо опоры на американские гарантии. Одновременно тогдашний американский лидер предъявлял Германии претензии о недостаточных перечислениях средств в бюджет НАТО¹⁶. В остальные годы скачков не было — Вашингтон стабильно занимал 6–15-е место. Позиции

Франции, напротив, характеризуются большой амплитудой. Если в 1994, 2002 и 2018 годах Париж находился на пятом и дважды на шестом местах соответственно, то в 2006, 2013, 2016, 2021 годах он располагался на 52-й, 26-й, 30-й и 29-й позициях. Китай в 2013–2021 годах упоминался в каждом новом документе раньше, чем в предыдущем, что говорит о повышении его значимости для Берлина на фоне укрепления китайской экономики. До этого времени Пекин не поднимался выше 26-го места, а в 2006 г. находился на 102-й строчке.

Критерий приоритетности имеет низкий уровень значимости. Если второ- и даже третьестепенность для Германии КНР вполне понятна, то нахождение в разные годы на полярных позициях Франции — это нехарактерное для внешнеполитической традиции ФРГ падение её статуса. Как минимум, для дальнейшей работы с моделью по исследованию доктринальных документов целесообразно поставить вопрос об обоснованности использования критерия первенства.

Критерий частотности показывает, что в 1994 г. Германия была очарована Россией: 82 рекордных по числу упоминаний. Для сравнения: США в то время встречались 57 раз, Франция — 28, Китай — 3. В тот год Германия отмечала вывод со своей территории Западной группировки российских войск¹⁷. Радость усилилась: Г. Коль уговорил Б. Ельцина завершить вывод на четыре месяца раньше срока. За этим пиком последовал спад, но Берлин придавал всё большее значение Москве вплоть до 2013 г. Лишь в 2009 г. число упоминаний упало с 20 до 10 по сравнению с предыдущим документом, что могло быть связано с обострением российско-грузинского конфликта. Позиции А. Меркель и Д. Медведева тогда разошлись. Президент Российской Федерации больше не считал возможным мирное сосуществование грузин, осетин и

¹⁶ Delfs A., Viscusi G. Merkel Says Europe Can't Count on U.S. Military Umbrella Anymore // Bloomberg. Politics. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2018-05-10/merkel-says-europe-can-t-count-on-u-s-military-umbrella-anymore> (accessed: 06.01.2024).

¹⁷ Она была самой многочисленной и состояла из более чем полумиллиона военнослужащих.

абхазов в одном государстве, в то время как канцлер ФРГ апеллировала к сохранению территориальной целостности Грузии и поддержала её вступление в НАТО¹⁸.

В 2013–2021 годах число упоминаний России последовательно снижалось на фоне обострения ситуации на Украине, но в 2023 г. выросло в два раза по сравнению с 2021 годом. Если до СВО рост интенсивности конфликтов приводил к меньшему числу упоминаний, то после её начала о России стали говорить больше. Действия Москвы на Украине западные страны воспринимают как попытку фундаментально пересмотреть архитектуру европейской безопасности, из-за чего внимание к Москве кратно выросло. По количеству упоминаний Россия в среднем уверенно занимает второе место, уступая лишь США, которые обгоняли её по этому параметру во всех документах¹⁹.

В 1994 г. показатели США достигли пика (57 упоминаний), а затем, после кратковременного падения, до 2006 г. росли. В 2009 г. произошёл спад, сменившийся продолжившимся до 2018 г. ростом. Уменьшение представленности Соединённых Штатов на рубеже десятилетий не соответствует тогдашним настроениям. В 2009 г. А. Меркель стала первым немецким политиком, выступившим перед Конгрессом и назвавшим заокеанскую державу «страной безграничных возможностей, которой немцы очень многим обязаны»²⁰. В 2018–2023 годах США упоминались всё меньше. Пик показателей Франции – в 1994 и 2018 годах. Последний взлёт может быть связан с идущими в период президентства в США Д. Трампа дебатами о необходимости создать европейскую армию – А. Меркель и Э. Макрон поддер-

жали эту идею²¹. В остальные годы показателя США и Франции оставались стабильными. Почти в унисон с данными критериями приоритетности в 2009–2021 годах рос интерес к Китаю. С 2009 г. количество упоминаний выросло с 2 до 14. В предыдущие годы Пекин встречался в каждом из документов не больше пяти раз либо отсутствовал.

Качественный параметр выглядит куда более объективным. За 34 года Россия прошла длинный путь от «основы внешней политики» к «угрозе». В последних четырёх документах, принятых после возникновения в 2014 г. серьёзных разногласий между странами по Украине, образ несущего опасность государства прочно закрепился за восточным соседом. По этим же причинам в 2023 г. впервые исчезли любые позитивные маркеры – о партнёрских связях речь не идёт. Во многом восприятие Москвы близко к статусу Пекина – обе страны в Берлине всегда видели «важными игроками», а с 2018 г. КНР также стала в глазах немецких политиков «угрозой».

Вместе с тем существуют определённые различия. Если Россию с Германией связывает долгий путь взаимодействия и страна встречается во всех доктринах, то КНР в 1990–2002 годах, за исключением 1994 года, не упоминалась. Германские элиты говорят о стратегическом партнёрстве с Пекином, а в 2023 году, в отличие от курса на дистанцирование в отношении Москвы, Китай сохранил роль «партнёра». Франция и США качественно попадают в другую группу – оба государства занимают высшую строчку в иерархии внешних игроков. Вашингтон не получил уровень «константы» из-за ситуативного понижения своего статуса до «партнёра» в 1990 и

¹⁸ А. Меркель поддержала вступление Грузии в НАТО // РБК. Политика. 2008. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2008/5703ce5d9a79473dc8148502?from=copy> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁹ Кроме 1990, 1994, 2013, 2016, 2021 и 2023 годов.

²⁰ German Chancellor Merkel addresses Congress // CNN. 2009. URL: <https://edition.cnn.com/2009/POLITICS/11/03/merkel.congress/index.html> (accessed: 06.01.2024).

²¹ Bennhold K., Erlanger S. Merkel Joins Macron in Calling for a European Army 'One Day' // The New York Times. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/13/world/europe/merkel-macron-european-army.html> (accessed: 06.01.2024).

2013 годах. В первом случае это можно объяснить становлением новообразованного единого германского государства, внешнеполитический курс которого находился на стадии разработки, во втором – скандалом с прослушиванием телефона А. Меркель американскими спецслужбами. Обеим странам присваивался маркер «ценностный партнёр», что говорит о видении их Германией как части единой цивилизации.

Все четыре государства являются «важными игроками» для Берлина, что подтверждает релевантность выбора их как объектов исследования и высокое влияние данной группы на принятие глобально значимых решений.

Модель исследования стратегических документов, изложенная в этой статье, может применяться для анализа внешнеполитических источников любого государства мира. Она демонстрирует неоднозначность и сложность доктринального дискурса. Например, «партнёры» одновременно могут маркироваться как «угрозы», что не мешает им оставаться «важными игроками» и «соседями». Россия совмещала в себе эти четыре ипостаси в 2016 и 2018 годах.

Спорна и необходимость выделять категорию «соседей»: она ситуативна, и в её использовании в доктринах авторы не увидели логики. Франции данный маркер присваивался лишь в четырёх случаях, России – в трёх, а в 2018 г. к ним добавились США. Анализ также показал, что есть и несовместимые маркеры. Ни одна из стран ни разу не обозначалась как «ценностный партнёр» и «угроза» одновременно, что подчёркивает фундаментальность и глубокую укоренённость в германской внешней политике нормативного фактора.

Лишь исследование на основе двух критериев в совокупности позволяет детально проанализировать изменения образа государства и оценить, какие события во внутренней и внешней политике влияют на эту динамику. Критерий первенства показал свою нерелевантность для решения

исследовательских задач. Хотя он создаёт новый объём знаний о германской внешней политике, его недостатком является слабое содержание. Он может показать стилистические особенности конкретных составителей доктринальных документов, но не позволяет формулировать чёткие суждения о самом описываемом предмете. Объяснительная гипотеза, выдвинутая на начальном этапе²², не подтвердилась.

Предложенная исследовательская модель может быть усилена при следующих действиях. *Во-первых*, речь идёт о кластеризации выделяемых маркеров: условно «ценностные партнёры», «основы внешней политики» и «стратегические партнёры» объединяются в позитивный кластер, а «важные игроки» и «соседи» – в нейтральный. «Угрозы» образуют самостоятельный кластер. На выборке в четыре страны кластеризация может казаться плеоназмом, но если расширить число рассматриваемых объектов, то базы данных на 118 членов ООН, 24 организации и 34 географических региона достаточно для кластеризации.

Во-вторых, на следующих этапах возможно использовать медиаметрию в качестве замены критерия первенства. Автоматизированным образом вычисляются объёмы текста, посвящённого каждой из стран/организаций/регионов. Данные измерения позволили бы нюансировать те случаи, когда, например, Франция употребляется в тексте дважды (и по частоте упоминаний сильно уступает России), при этом первой посвящено четыре абзаца плотного текста, а второй – несколько предложений с упоминанием угроз. *В-третьих*, новым инструментом мог бы стать сентимент-анализ, проводимый на небольшой выборке вручную. Для конкретных языковых единиц возможно рассчитать индекс агрессивности с корпусом речей А. Меркель.

Собранная база данных открывает перспективы для новых научных исследова-

²² «Чем раньше в тексте появляется конкретное упоминание страны или организации, тем она важнее».

ний. Одно из таких направлений — сравнение доктринальных статусов государств с их упоминаниями в публичных выступлениях политиков для выявления разницы между двумя типами дискурса. Второй вектор — изучение партийных программ, которое позволит определить как сходства и различия их установок в отношении зарубежных партнёров, так и вычленение «пар-

тийного фактора» из коалиционных соглашений. Соотнесение данных из стратегических документов с объёмами торговли, инвестиций или иными метриками экономического сотрудничества, в свою очередь, дало бы возможность найти потенциальную корреляцию между уровнем восприятия других государств и реальным взаимодействием с ними.

Список литературы

- Басов Ф.А. Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвёртого кабинета А. Меркель // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. №1. С. 59–69.
- Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166–177.
- Власов Н.А. Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 11. № 2. С. 184–199. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.205
- Германия. 2016 / Отв ред. В.Б. Белов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 130 с.
- Грачёва М.В. Развитие немецкого бизнеса в России в 2020–2021 гг: мнение топ-менеджеров // Российский экономический барометр. 2021. № 1(81). С. 11–20. DOI: 10.20542/2307-0390-2021-1-11-20
- Девятков А.В. Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России // Перспективы. 2016. № 6 (2). С. 45–59.
- Крылова Е.А. Научная дипломатия как шанс для российско-германского сотрудничества // Молодой учёный. 2020. №42 (332). URL: <https://moluch.ru/archive/332/74176/> (дата обращения: 14.10.2020).
- Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 58–73.
- Меден Н.К. Германия—Россия: две страны, две нации, совместная история. Размышления в связи с выходом новой книги российского историка / Н. К. Меден, А. М. Филитов // Журнал «История». 2017. № 9(63). С. 5. EDN ZXQZRX
- Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
- Погорельская С.В. Влияние иммигрантов на немецкое общество: Взаимная интеграция // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 4. С. 34–70.
- Потапенко К.С., Пузынина Л.А. Russland und Deutschland: Zusammenarbeit unter den Bedingungen der Sanktionen und der Corona Virus-Infektion // Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Новосибирского ГАУ. 2021. С. 915–916.
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем: настройка на будущее // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Т. 4. № 29 (296). С. 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258
- Синдеев А.А. Новые идеи СДПГ в политике безопасности и обороны // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: Сб. научных статей и материалов / Под ред. В.А. Космача. Псков: Логос, 2023. С. 308–317.
- Соколов А.П., Воротников В.В., Давыдов А.Д. Изменение через отдаление: правительство Олафа Шольца и российско-германские отношения. М.: МГИМО-Университет, 2023. 40 с.
- Сугоняев П.М. Доктринальные документы России и Германии о двусторонних отношениях // ГОСРЕГ: государственное регулирование общественных отношений. 2020. №1(31). С. 98–106.
- Трунов Ф.О. Кризис военного присутствия ФРГ на международной арене в начале 2020-х гг. // Россия и современный мир. 2023. № 4. С. 136–153.
- Bersenev A. Putin-Versteher: An analysis of German anti-establishment parties' policy narratives towards the Russian government: Master Thesis. Enschede: University of Twente, 2022. 98 p.
- Blumenau B. Break conventions? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy // International Affairs. 2022. Vol. 98. No. 6. P. 1895–1913. DOI: 10.1093/ia/iac166

- Dembińska M., Mérand F., Shtaltovna A.* Conflict and cooperation between Europe and Russia: the autonomy of the local // *East European Politics*. 2020. Vol. 36. No. 4. P. 477–498. DOI: 10.1080/21599165.2020.1784145
- Doty R.* *Imperial Encounters*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 213 p.
- Dyson T.* Energy Security and Germany's Response to Russian Revisionism: the Dangers of Civil Power // *German politics*. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 500–518. DOI: 10.1080/09644008.2015.1133607
- Edelman M.* *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois press, 1972. 201 p.
- George J.* *Discourses of Global Politics. A Critical (Re)Introduction to International Relations*. Boulder: Lynne Rienner, 1994. 226 p.
- Gross M., Krauss S.* Topic Coverage of Coalition Agreements in Multi-Level Settings: The Case of Germany // *German Politics*. 2019. Vol. 30. No. 2. P. 227–248. DOI: 10.1080/09644008.2019.1658077
- Hamzaoglu H.* Post-Cold War Russian-German Relations: The New Balance of Powers in Europe? // *The Journal of Social Science*. 2022. Vol. 6. No. 12. P. 223–233. DOI: 10.30520/tjsosci.1138650
- Lough, J.* The Re-calibration of Germany's Russia Policy // *The Conference on Russia Papers* / ed. by S. Šraders. Tartu: University of Tartu Press, 2023. P. 33–45.
- Mello P.* (2021). *German Foreign Policy. Foreign Policy Change in European Union Countries Since 1991*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, P. 1–23. DOI: 10.1007/978-3-030-68218-7_7
- Milliken J.* The Study of Discourse in International Relations // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5. No. 2. P. 225–254. DOI: 10.1177/135406619900500200
- Siddi M.* A controversial hegemon? Germany's leadership in EU relations with Russia // *German politics*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/09644008.2018.1551485
- Szabo S.* Different approaches to Russia: the German-American-Russian strategic triangle // *German politics*. 2018. Vol. 27. No. 2. P. 230–243. DOI: doi.org/10.1080/09644008.2018.1446081
- Umland A.* Germany's Russia Policy in Light of the Ukraine Conflict: Interdependence Theory and Ostpolitik // *ORBIS*. 2022. Vol. 66. No. 1. P. 78–94. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.11.007
- Vlaemink E.* *City Relations Between Hamburg and St. Petersburg: A State of Play* // *Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. Международная научно-практическая конференция (Москва, Тюмень, 23–24 апреля 2021). Тюмень: ТюмГУ, 2021. С. 7–13.*
- Westphal K.* Germany and the EU-Russia energy dialogue // *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security* / ed. by P. Aalto. Aldershot: Ashgate Press, 2008. P. 93–118.

LABELING PARTNER AS A THREAT

RUSSIA IN GERMAN DOCTRINAL DOCUMENTS (1990–2023)

ALEXEY TOKAREV
MIKHAIL KUCHEROV
KRISTINA ERMAK
MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines 13 doctrinal documents of Germany from 1990 to 2023: coalition agreements, Bundeswehr White Papers and National Security Strategy. The authors presented an analysis model reflecting German elites' both retrospective and perspective vision of Russia, the USA, France and China. The database for the application of the model consists of the references in these documents to 176 countries, organizations and regions. Three criteria were applied: priority, frequency and quality of objects' mentions. Taken together, their analysis made it possible to create the hierarchy of clusters into which states can be classified. Specific marker words indicate the perception of Moscow and Beijing as partners

and rivals at the same time. When it comes to Washington and Paris, they are deemed reliable allies. Certain categories show the states' inclusion in the Western "family of values" or their non-belonging to it, as well as their significant weight on the global arena, which Germany must take into account. The data is presented in tables divided into clusters. The complexity and versatility of foreign partners' doctrinal position has become obvious: in some cases they combine four dimensions. Each object was considered not only as an "actor-goal", but also as an "actor-means". In the context of blurred boundaries between positive and negative definitions of interstate relations, the authors propose a research programme for studying German doctrinal documents. This approach forms a country hierarchy of German foreign policy. The final part encompasses the design of potential studies conducted on the basis of this methodological scheme.

Keywords:

Russian-German relations; foreign policy; doctrines; security; content-analysis

References

- Basov F.A. (2019). Kontseptual'nyy vakuum: rossiyskoe napravlenie vneshney politiki chetvertogo kabineta A. Merkel' [Conceptual vacuum: Russian direction of the A. Merkel's fourth cabinet]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 1. P. 59–69.
- Belov V.B. (ed.) (2017). *Germaniya. 2016* [Germany. 2016]. Moscow: Institut Evropy RAN. 130 p.
- Belozеров V.K. (2023). Germaniya konstruiuet strategicheskuyu kul'turu [Germany is constructing a strategic culture]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 5. P. 166–177.
- Bendiek A., Bossong R. (2022). «Hybrid threats»: from a strategic compass to a national security strategy. Berlin: Foundation for Science and Politics (SWP). 9 p. DOI: 10.18449/2022A40
- Bersenev A. (2022). *Putin-Versteher: An analysis of German anti-establishment parties' policy narratives towards the Russian government: Master Thesis*. Enschede: University of Twente. 98 p.
- Blumenau B. (2022). Break conventions? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy. *International Affairs*. Vol. 98. No. 6. P. 1895–1913. DOI: 10.1093/ia/iiaac166
- Dembińska M., Mérand F., Shtaltovna A. (2020). Conflict and Cooperation Between Europe and Russia: the Autonomy of the Local. *East European Politics*. Vol. 36. No. 4. P. 477–498. DOI: 10.1080/21599165.2020.1784145
- Devyatkov A.V. (2016). Pragmatizm nemetskoj Ostpolitik: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii [The pragmatism of Germany's Ostpolitik: opportunities and challenges for Russia]. *Perspektivy*. № 6 (2). P. 45–59.
- Doty R. (1997). *Imperial Encounters*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 213 p.
- Dyson T. (2016). Energy Security and Germany's Response to Russian Revisionism: the Dangers of Civil Power. *German politics*. Vol. 25. No. 4. P. 500–518. DOI: 10.1080/09644008.2015.1133607
- Edelman M. (1972). *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois press. 201 p.
- George J. (1994). *Discourses of Global Politics. A Critical (Re)Introduction to International Relations*. Boulder: Lynne Rienner. 226 p.
- Gracheva M.V. (2021). Razvitiye nemetskogo biznesa v Rossii v 2020–2021 godakh: mnenie top-menedzherov [Development of German business in Russia in 2020–2021: opinion of top managers]. *Rossiyskiy ekonomicheskii barometr*. No. 1(81). P. 11–20. DOI: 10.20542/2307-0390-2021-1-11-20
- Gross M., Krauss S. (2019). Topic Coverage of Coalition Agreements in Multi-Level Settings: The Case of Germany. *German Politics*. 2019. Vol. 30. No. 2. P. 227–248. DOI: 10.1080/09644008.2019.1658077
- Hamzaoglu H. (2022). Post-Cold War Russian-German Relations: The New Balance of Powers in Europe? *The Journal of Social Science*. Vol. 6. No. 12. P. 223–233. DOI: 10.30520/tjsosci.1138650
- Lough J. The Re-calibration of Germany's Russia Policy // The Conference on Russia Papers / ed. by S. Šraders. Tartu: University of Tartu Press, 2023. P. 33–45.
- Krylova E.A. (2020). Nauchnaya diplomatiya kak shans dlya rossiysko-germanskogo sotrudnichestva [Scientific diplomacy as an opportunity for Russian-German cooperation]. *Maloday uchenyy*. No. 42 (332). URL: <https://moluch.ru/archive/332/74176/> (accessed: 14.10.2020).
- Lipinsky D.A., Musatkina A.A. (2019). Sotsial'naya i gumanisticheskaya napravlennost' v strategiyakh natsional'noy bezopasnosti Rossii i Germanii: sravnitel'nyy politiko-pravovoy analiz [Social and humanistic orientation in the national security strategies of Russia and Germany: comparative political and legal analysis]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 10. No. 3. P. 58–73.
- Meden N.K. Filitov A.M. (2017). Germaniya-Rossiya: dve strany, dve natsyi, sovместnaya istoriya. Razmyshleniya v svyazi s vykhodom novoy knigi rossiyskogo istorika [Germany and Russia: two

- countries, two nations, common history. Reflections on the release of a new book by a Russian historian]. *Zhurnal "Istoriya"*. No. 9(63). C. 5. EDN ZXQZRX
- Mello P. (2021). German Foreign Policy. *Foreign Policy Change in European Union Countries Since 1991*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, P. 1–23. DOI: 10.1007/978-3-030-68218-7_7
- Milliken J. (1999). The Study of Discourse in International Relations. *European Journal of International Relations*. Vol. 5. No. 2. P. 225–254. DOI: 10.1177/135406619900500200
- Pavlov N.V. (2012). *Istoriya vneshney politiki Germanii ot Bismarka do Merkel'* [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel]. Moscow: International Relations. 800 p.
- Pogorelskaya S.V. (2010). Vliyaniye immigrantov na nemetskoye obshchestvo: Vzaimnaya integratsiya [The Influence of Immigrants on German Society: Mutual Integration]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 34–70.
- Potapenko K.S., Puzynina L.A. Russland und Deutschland: Zusammenarbeit unter den Bedingungen der Sanktionen und der Corona Virus-Infektion // Proceedings of the scientific and practical conference of teachers, graduate students, undergraduates and students of Novosibirsk GAU. 2021. P. 915–916.
- Rubinsky Yu.I., Sindeev A.A. (2022). Franko-germanskiiy tandem: nastroyka na budushchee [Franco-German Tandem: Setting up for the Future]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. Vol. 4. No. 29 (296). P. 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258
- Siddi M.A. (2018). A controversial hegemon? Germany's leadership in EU relations with Russia. *German politics*. Vol. 29. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/09644008.2018.1551485
- Sindeev A.A. (2023). Novye idei SDPG v politike bezopasnosti i oborony [New Ideas of the SPD in Security and Defense Policy]. In: V. A. Kosmach (ed.) *Istoricheskaya germanistika: aktual'nye problemy sovremennykh issledovaniy: sb. nauchnykh statey i materialov* [Historical Germanistics: Actual problems of Modern Research: Collection of Scientific Articles and Materials]. Pskov: Logos. P. 308–317.
- Sokolov A.P., Vorotnikov V.V., Davydov A.D. (2023). *Izmeneniye cherez otдалeniye: pravitel'stvo Olafa Sholtsa i rossiysko-germanskkiye otnosheniya* [Change Through Distancing: Olaf Scholz's Government and Russian-German Relations]. Moscow: MGIMO-Universitet. 40 p.
- Sugonyaev P.M. (2020). Doktrinal'nye dokumenty Rossii i Germanii o dvustoronnikh otnosheniyakh [Doctrinal Documents of Russia and Germany on Bilateral Relations]. *GOSREG: gosudarstvennoye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy*. No. 1 (31). P. 98–106.
- Szabo S. (2018). Different approaches to Russia: the German-American-Russian strategic triangle. *German politics*. Vol. 27. No. 2. P. 230–243. DOI: doi.org/10.1080/09644008.2018.1446081
- Trunov F.O. (2023). Krizis voennogo prisutstviya FRG na mezhdunarodnoy arene v nachale 2020-kh godov [The Crisis of the German Military Presence in the International Arena in the Early 2020s]. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4. P. 136–153.
- Umland A. (2022). Germany's Russia Policy in Light of the Ukraine Conflict: Interdependence Theory and Ostpolitik. *ORBIS*. Vol. 66. No. 1. P. 78–94. DOI: 10.1016/j.orbis.2021.11.007
- Vlaemink E. (2021). City Relations Between Hamburg and St. Petersburg: A State of Play. *Pobratimstvo gorodov: sostoyaniye, vozmozhnosti razvitiya, vyzovy, priorityety. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Collection of the International Conference "Twinning of cities: state, development opportunities, challenges, priorities"] (Moscow, Tyumen, April 23–24 2021). Tyumen: TSU. P. 7–13.
- Vlasov N.A. (2018). Rossiya v politike bezopasnosti FRG na sovremennom etape [Russia in the security policy of Germany at present]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 11. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.205
- Westphal K. (2008). Germany and the EU-Russia energy dialogue. In: P. Aalto (ed.) *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security*. Aldershot: Ashgate Press. P. 93–118.